
ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 94 (470) : 39

ББК 63.521 (=411)

С 64

А.В. Сопов

Хозяйство, культура и быт казаков как этнические определители

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье анализируются вопросы особенностей хозяйственно-культурного типа казаков, материальной, духовной и бытовой культуры казачества. Культура рассматривается как сложный элемент этнической системы, обладающий качествами этнического определителя. Данная статья содержит анализ характерных особенностей казачьих поселений, форм жилищ, а также внешнему виду, одежде казаков, их пищевым предпочтениям. Среди вопросов духовной культуры казаков анализируются, прежде всего их религиозность, а также фольклор как один из важнейших моментов, характеризующих особенности той или иной этнической (этнографической) группы. Особое место уделено казачьему оружию и военным приемам. В работе также, опираясь на известные источники, анализируется тип хозяйства различных групп казачества.

Ключевые слова:

Казаки, казачество, духовная культура, материальная культура, хозяйство, быт и семейный уклад, хозяйственно-культурный тип, историко-этнографическая общность, поселение, жилище, культурные стереотипы, этнические определители, фольклор, оружие, военные приемы, разбойно-промысловый характер, религия, религиозность.

Внимание к изучению культуры как источнику познания изменений в обществе наметилось в мировой науке еще в 70-х годах. Отражением этого явилось привлечение антропологического метода; создание в последние десятилетия социологических концепций П. Бурдьё о роли культуры как активного начала, формирующего классово-слоевые различия и идентификации; Ю. Хабермаса, анализировавшего культурный смысл модернизации¹; появление работ С. Хантингтона, связывающего именно с культурными феноменами перспективы развития цивилизации и сохранения мира или возникновения войн в будущем.

Этнологический анализ культуры ориентирован на выявление значимости элементов этнокультурной отличительности.

Культура – понятие широкое и имеющее достаточно разнообразные толкования. Американские антропологи насчитывают более 200 определений культуры. А. Кребер и К. Клакхон выделяют шесть основных типов определений. К ним относятся:

1) описательные определения. Например, согласно Э. Тайлору, культура в широком этнографическом смысле складывается в целом из знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества²;

2) исторические определения, в которые внимание привлекается к наследованию, традициям;

3) нормативные определения. В одних из этих определений культура рассматривается как образ жизни; в других – как ценности и идеалы; в третьих – как матери-

альные и социальные ценности людей, в том числе институты, обычаи, установки, поведенческие реакции;

4) психологические определения с акцентом на адаптацию приспособление к жизненным условиям, соответствующие формы поведения;

5) структурные определения, акцент в которых делается на структурную организацию культуры;

6) генетические определения, в которых культура истолковывается с позиции ее происхождения, а основное внимание фиксируется на том, что все материальные объекты, верования установки функционируют «в контекстах символизации».

Все эти принципы типизации, как видим, взаимосвязаны. Практически в каждом определении выделяется какая-то одна сторона культуры.

При всем многообразии определений в целом важно то, что культура понимается как материальные и нематериальные продукты человеческой деятельности, ценности, идеи, признанные способы поведения, объективированные и принятые в общностях (группах), передаваемые из поколения в поколение.

Среди ученых довольно долго шли споры о том, как понимать этнокультурную отличительность групп. Но уже в 70-х годах этнокультурное своеобразие стали понимать не только как особенности в формах проявления каких-то элементов культуры, но специфику «сцеплений» этих элементов. Например, русские приветствуют друга наклоном головы (по вертикали), а болгары – покачиванием головы из стороны в сторону (по горизонтали), у русских же этот жест обозначает «нет». Или другой пример: в то время когда в большинстве стран Европы уже широко использовали смесители для горячей и хо-

лодной воды, англичане, которых всегда считали преуспевающими в модернизации, зачастую имели в домах отдельные краны для горячей и холодной воды и умывались из раковины.

Эти идеологемы анализировались этнологами, а данные, полученные в ходе исследований, служили аргументом в пользу той или иной оценки состояния культуры, например функционирования языка титульных народов или ориентации на национальную культуру, удовлетворенность той или иной сферой жизни. Таким образом, этнокультурные особенности могут помочь в объяснении очень сложных и актуальных для современного общества явлений.

С этнологической точки зрения понятие «культура» подразумевает собой структуру, скрепляющую данное общество и предохраняющую его от распада. Многие антропологи, как отечественные (например, Э.С. Маркарян), так и зарубежные (например, Т. Шварц – один из ведущих современных психоантропологов), рассматривали культуру как адаптивную систему. *Совокупность адаптивных моделей и может быть понята как культура.*

С этой точки зрения этнос является носителем данных моделей, т.е. данной культуры. А если так, то этнос можно понимать как общество, являющееся носителем определенной культуры. Но только с той оговоркой, что культура понимается в узком, или, точнее, специфическом, этнологическом, значении – как функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя явно выраженные механизмы самосохранения даже в меняющихся культурно-политических условиях, способствующие как адаптации своих членов к внешнему – природному и культурно-политическому окружению (в этом – адаптивная функция культуры), так и приспособлению внешней реальности своим нуждам и потребностям (в этом адаптирующая функция культуры). Таким образом, в принципе «каждая культура, – пишет И. Кохен, – может быть истолкована как стратегия человеческой адаптации, а каждый элемент уникальной социальной модели как средство для получения из среды обитания максимальной энергии»³. Именно в таком смысле и будем понимать термин «культура» применительно к нашей работе.

Историко-культурная типология всего разнообразия этнографических признаков группирует их по двум координатам: географической и исторической. Первый принцип опирается на факт возникновения сходного хозяйства и, следовательно, типологически близких явлений культуры в сходных условиях географической среды. Второй принцип базируется на общей истории культурных элементов. В первом случае явления сосуществуют в пространстве как непосредственный ответ на природную среду, и это называется хозяйственно-культурным типом (ХКТ). Во втором случае рассматривается общность исторической судьбы народов и их культур, а как результат этого – наличие единой территории распространения, называемой историко-этнографической областью (ИЭО).

Историко-этнографические (или историко-культурные) области – это части ойкумены, у населения которых в силу общности социально-экономического развития, длительных связей и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые, или этнографические особенности. Наиболее ярко они выражены в материальной

культуре (жилище, средства передвижения, пища, утварь и т.д.), но проявляются также и в некоторых элементах духовной культуры, связанных с хозяйством и бытом. ИЭО – исторические явления, они складываются и исчезают в процессе развития человечества.

По мнению одного из крупнейших отечественных этнографов Н.Н. Чебоксарова: «Именно культурная специфика вместе с языком, который ее выражает, должна рассматриваться в качестве главного критерия при разграничении этнических общностей»⁴. Потому что «...в культуре каждого народа переплетаются явления, свойственные только ему одному...»⁵

Он же предлагает анализировать культурную специфику по трем частям:

- 1) духовная – находится в общественном сознании людей,
- 2) материальная – в материальных результатах деятельности людей,
- 3) бытовая – проявляется в их поведении.

Формы коллективного труда, изготовление орудий труда и оружия, способы добывания и сохранения пищи, жилища, одежда, украшения, предметы повседневного обихода, нормы общественной и семейной жизни, сумма положительных знаний, наконец, песни, сказки, легенды, мифы, игры, танцы, зрелища – вот далеко не полный перечень элементов общекультурного достояния человечества. С культурой каждого этноса неразрывно связана и его религиозно-идеологическая направленность и особые, характерные стереотипы народной психологии.

Не претендуя на столь кратком исследовании на глубину анализа и всеохватность обобщений, отметим, некоторые особенности культуры казаков и попробуем сделать некоторые предварительные заключения.

Тип хозяйства казаков. Ставшие в последнее время хрестоматийными утверждения о чисто кочевническом хозяйстве первых казаков вряд ли соответствуют действительности⁶. Приводимые различными авторами примеры особого культа коня у казаков верны лишь для некоторых казачьих обществ. Так, например, известно, что у запорожцев наиболее многочисленной и мощной боевой силой была пехота, а не конница. Герои украинского фольклора казаки-запорожцы почти всегда пеши. Пехотинцами долгое время были и преемники запорожцев на Кубани – черноморцы⁷. Отсутствие земледелия – еще не аналог кочевого скотоводства.

Кстати, у южных групп казаков в начале XIX века еще были записаны прямые воспоминания о добрососедских отношениях с татарами на основе какой-то обоюдной торговли, существовавших, насколько можно понять, в первые годы организации донского казачества⁸. Для обоюдной торговли имелись все основания. Например, скотоводческая продукция татар могла обмениваться на хлеб и ремесленные изделия протоказакочервленоярцев (скажем, на тележные колеса, в которых полукочевники крайне нуждались, на гончарные, кузнечные изделия и т.п.). Обитатели приречных полос могли строить лодки и предоставлять их при надобности татарам, содержать и обслуживать перевозки, как это делали какие-то русские в излучине Дона еще в середине XIII в., по известному описанию Г. Рубрика⁹.

Было бы опрометчиво считать, что славяне были такими исконными оседлыми земледельцами, какими представляют себе средневековых славян многие исследователи на основе ретроспективного анализа сведений конца XIX – начала XX вв. о русских и украинских крестьянах. Если уж необходимо использовать сведения этого времени за недостатком более ранних, то логично обратиться прежде всего к материалам XVIII – начала XIX вв. не о крестьянах, а о донских казаках, прежде всего, хоперских. Эти казаки, равно как запорожские и другие восточнославянские группы казаков по крайней мере до середины XVIII в., а местами и дольше, имели хозяйство с преобладающим пастбищным скотоводством и второстепенным, иногда еще очень слабым земледелием¹⁰.

Соответственно казаки были еще в XVIII веке самыми настоящими полукочевниками, а многие остатки и пережитки полукочевничества сохранили до середины XIX века. «Юрт» казачьей общины представлял собой полосу земли, вытянутую перпендикулярно реке. На ней близ реки находились зимние пастбища с загонами для хранения сена и кормления скота, сезонно обитаемые зимние селения (базы, зимовки) и крепость-убежище (городок), он же общинный центр. В XVIII веке городки постепенно заменились неукрепленными, более крупными центральными общинными селениями – станицами с тяготеющими к ним периферийными селениями – хуторами. Дальше от реки располагались поля, далеко разбросанные друг от друга вследствие применения залежной системы земледелия. Еще дальше находились летние пастбища. По этой полосе совершалось сезонное возвратно-поступательное кочевание казачьих семей на расстояния, которые в XVIII веке превышали 70 км. Остатки кочевания на расстоянии до 20 км даже в середине XIX века еще не везде перевелись, причем в это время неоседлость имела уже преимущественно земледельческий характер, то есть была обусловлена залежной системой земледелия уже в большей степени, чем требованиями скотоводства. При дальних полях, сенокосах и летних пастбищах имелись сезонно-обитаемые жилища ~~неоседлости казаков~~. Большинство авторов писали сдержанно, не всегда называя вещи своими именами, потому что официальная войсковая историография XIX – начала XX в. стремилась представить донское казачество как «щит Европы», форпост искони оседлой европейской цивилизации против искони кочевого азиатского варварства, в связи с чем считалось неудобным афишировать явления неоседлости у казаков. Поэтому оказались обойденными или завуалированными некоторые характерные детали.

Например, все русские авторы единодушно умолчали о том, как был организован быт казачьих семей на дальних пастбищах, хотя вполне очевидно, что при удалении в 70 км и более от основных усадеб тут требовалась организация и материальная обстановка, характерная для полукочевничества. И действительно, в анонимном иностранном сочинении конца XVIII века мелькнуло сообщение о том, что донские казачьи офицеры употребляли в походах транспортабельные жилища вроде калмыцких войлочных кибиток, которые, стало быть, имелись у казаков и которые не считалось зазорным употреблять¹².

К сказанному выше необходимо добавить, что анализ источников (от научных работ до народных преданий) позволяет сделать вывод о том, что тип хозяйствования у «первоказаков» (до конца XV в., когда в основном уже сложилась этническая карта современной Европы)¹³ был промысловым (охота, соледобыча, рыболовство, бортничество и др.) и разбойно-военным («походы за зипунами», за «ясырем» – рабами) – вот основные источники существования первых казачьих обществ.

К XVI веку относительную устойчивость казачьему хозяйству придает пастушеское скотоводство и огородничество, отчасти – садоводство. До конца XVIII века существовал запрет на земледелие по причине постоянной угрозы со стороны кочевников, а отчасти из-за опасения распространения на казачьи области крепостного права. К концу XVIII века земледелие на Дону постепенно вытесняет традиционные охоту и рыболовство, а к середине XIX века товарное земледелие и скотоводство становятся ведущими отраслями аграрной специализации края. С начала XIX века у казаков резко увеличиваются размеры пашни, которая, несмотря на все запреты, существовала и раньше. XIX век – это время формирования, в теле российского общественного организма, казачества как особого и даже привилегированного военно-земледельческого сословия. К этому времени значительную роль в казачьей среде стал играть торговый капитал, поэтому в 1804 г. создается «Общество донских торговых казаков».

Существенной прибавкой для скудного казачьего хозяйства была плата за наемную военную и пограничную службу. Достоверно известно, что с середины XVI века донское и гребенское казачество служат за жалование русским государям (сказывается конфессиональное и, видимо, этническое родство). А если прав А.А. Гордеев, то данный род службы для казаков известен, давно, со времен Золотой Орды¹⁴.

С нашей точки зрения, стержневым для всех казачьих групп выглядит органическое, неразрывное сочетание военных и хозяйственных функций и поголовное вооружение как способ существования. С начала XIX в. у казаков резко увеличиваются размеры пашни, которая, несмотря на все запреты, существовала и раньше. XIX в. – это время формирования, в теле российского общественного организма, казачества как особого и даже привилегированного военно-земледельческого сословия.

Быт и семейный уклад казаков. Существенный интерес представляет исследование семейно-бытовых устоев казачества. И здесь возникает проблема, которая опять же ставит под сомнение тысячелетнюю этническую преемственность казаков.

Дело в том, что целый ряд исследователей (Ригельман, Щербина, Боплан) отмечают бессемейность казаков XV–XVI вв. В Запорожской Сечи брачная и семейная жизнь отрицалась в принципе. Следовательно и естественного прироста сечевого населения быть не могло. Его заменял прием в казаки (поступление в Сечь), а национальный состав принятых (по утверждению все того же Щербины и француза Боплана¹⁵) отличался чрезвычайной пестротой.

Схожая ситуация существовала и у донцов, которые в начале также были бессемейны. Впоследствии, однако,

донские казаки стали обзаводиться женщинами, захватывая их в набегах на соседей. Но детей, рожденных от этих женщин, первое время убивали, зашивая в мешки и бросаая в воду «как шенят».

Позже донцы стали сохранять жизнь мальчикам, топя девочек. И лишь много позднее, в Донской области сформировалась относительно нормальная семейно-бытовая жизнь. Хотя по отношению к женщине казак долгое время еще оставался полным хозяином и мог, например, ее неугодную продать.

Интересно, что также (по свидетельству А. Ригельмана¹⁶) поступали с детьми и в других казачьих общинах на первых порах своего существования.

Бессемейность, отсутствие естественного прироста и, главное, семейной традиционной нравственной устойчивости – по мнению Ф. Щербины, являлись основными причинами падения Запорожской Сечи. Тогда как донцы, обзаведясь семьями, сохранились¹⁷. Заключение, конечно, далеко не бесспорное, но отнюдь не бессмысленное.

Действительность все же такова, что казаки вели семейную жизнь и на первых стадиях своего существования. «Известно, что в самом Запорожье по так называемым паланкам жили семейные казаки, а многие со стороны приезжали в Сечь с детьми – «молодичками» и «хлопцами» и, стало быть, имели семьи на стороне,» – пишет Ф. Щербина¹⁸.

Семьи, размещенные по хуторам, имела и казачья старшина. Таким образом, общая генетическая преемственность, передача традиций из поколения в поколение все же существовала, хотя и была чрезвычайно ослаблена указанными выше ограничениями.

К началу XX в., когда по мнению Н.Н. Чебоксарова сложилась современная этническая картина¹⁹ (вследствие формирования основ современных форм хозяйствования), казачья патриархальность еще во многом сохранялась. Длительное сосуществование казачьей земледельческой, промысловой и военной общины определило многие стороны общественного быта и духовной жизни казаков.

Обычаи коллективного труда и взаимопомощи проявлялись в объединении рабочего скота и инвентаря на период срочных сельскохозяйственных работ и в др. случаях.

Характерно для казаков начала XX в. и сохранение большой неразделенной (из 3–4 поколений) семьи в 25–30

человек, что было обусловлено необходимостью обработки больших земельных наделов, распространением в определенных районах хуторского (натурального) хозяйства, с постоянной нуждой в рабочих руках и, в какой-то мере, со сложной обстановкой военного времени, а также невозможностью отделения молодой семьи до начала и во время службы, замкнутостью семейного быта.

Глава семьи (дед, отец, старший брат) был полновластным руководителем всей семьи: распределял и контролировал работу ее членов, ведал ее доходами и расходами.

Основываясь на вышеизложенном, можно сказать, что анализ семейно-бытовой стороны вопроса о происхождении казачества не дает оснований для выводов о раннем, в начале новой эры, оформлении самостоятельного казачьего этноса, т.к. то, что можно назвать семейно-бытовыми устоями, сформировалось у казаков в значительно более позднюю эпоху и еще в XV–XVI вв. не выглядело чем-то сложившимся.

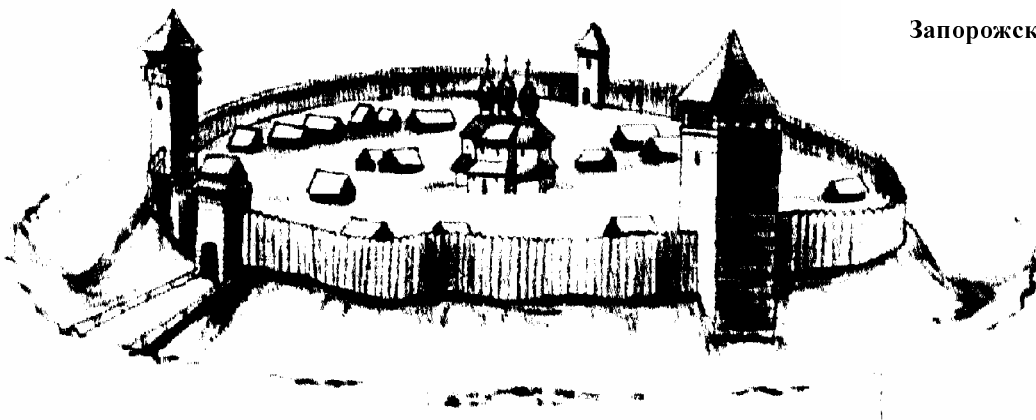
Казачьи поселения. Особенности возникновения и развития казачьих поселений тесно связаны с освоением новых земель, а в более поздние сроки – колонизацией Северного Кавказа. Для поселений казаки выбирали выгодные в стратегическом отношении места: крутые берега рек, возвышенности, защищенные оврагами и болотами. Селения окружались глубоким рвом и земляным валом. Нередки были случаи смены первоначального местоположения.

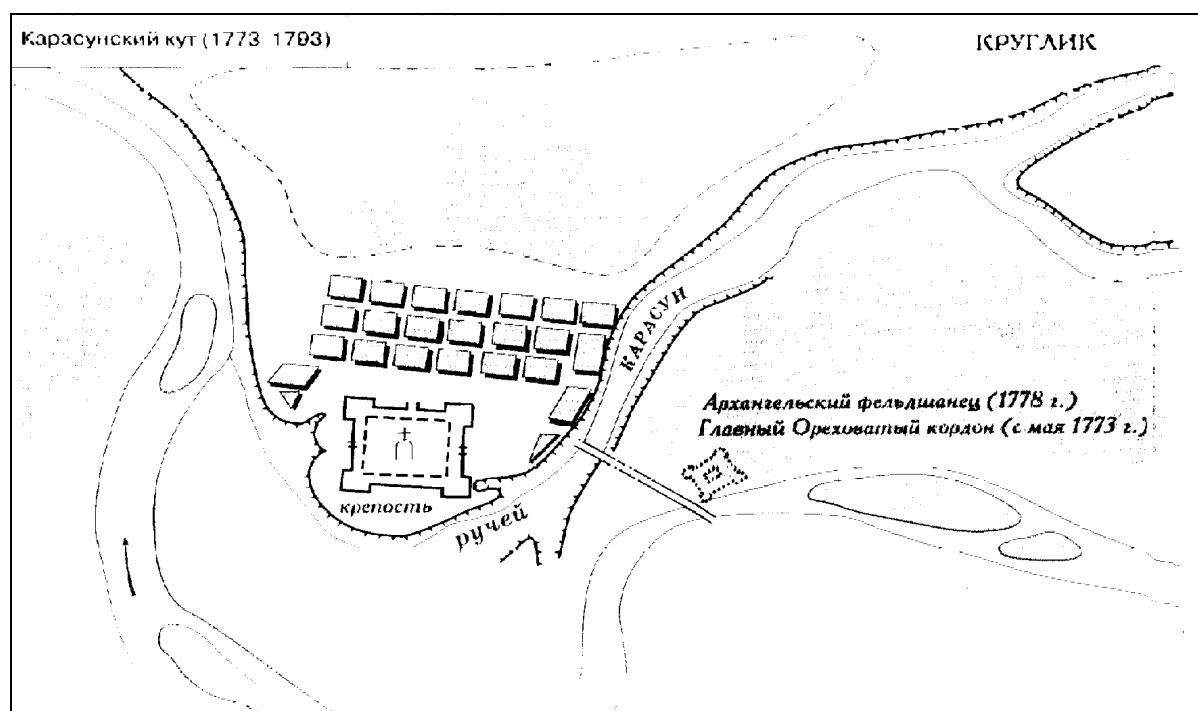
Резкое увеличение численности поселений в XVIII–XIX вв. связано с созданием пограничных военно-оборонительных линий. Поселения эти обычно назывались станицами, видимо, название происходит от слова «стан», что «на Руси в XI–XVII вв. означало название военного лагеря, который обычно разбивался на возвышенном месте и укреплялся повозками...»²⁰, забором, иногда рвом или земляным валом.

«Словарь русского языка» С.И. Ожегова трактует значение слова «станция» как «большое селение в казачьих районах». Как правило, станицы ставились в укромных местах, чаще вдоль речек и ручьев, и были хорошо приспособлены к защите от нападений. «В силу особого характера этой этнографической группы, никогда не знавшей крепостного права и несшей службу по охране границ, станицы вначале имели военное значение, которое к XIX в. уже утратили»²¹.

Рис. 1

Запорожская Сечь

В XVIII–XIX вв. при закладке любой станицы плугом нарезались ее границы, вокруг намеченных границ рыли ров, наполняли его водой, насыпали земляной вал, по периметру которого сажали колючий терновник, тем самым создавая дополнительную защиту. С южной и северной сторон (реже с четырех) устанавливали ворота, охранявшиеся круглосуточно и закрывавшиеся с заходом солнца. Казаки старались вернуться домой и загнать скотину до темноты.

Особенность застройки станиц Верхней Кубани до середины XIX века состояла в том, что все до мелочей указывалось военным ведомством: как ставить хату, какой высоты делать плетень и т. д. Станицы, возникшие на Верхней Кубани в 60-ые годы XIX столетия, уже не обносились рвом и земляным валом (Усть-Джегутинская, Кардоникская, Зеленчукская и др.). Так, в приказе Наказного атамана Кубанской области от 14 января 1861 года говорилось: «Для развития станиц Усть-Джегутинской и Николаевской (ныне Красногорская) будет прислан топограф: разбивка дворов может быть допущена в больших размерах, чем на передовых линиях, где обыкновенно дворы составляют прямоугольники 20–15 сажень в боках. Никакой обороны для этих станиц не нужно, они должны быть обнесены просто тыном или плетнем без рва...»²².

Обычно станицы застраивались компактно, улицы были прямыми, на них двумя рядами строились хаты. Характерной чертой каждой казачьей станицы была церковь, всегда располагавшаяся на возвышенном месте. Неподалеку – административные здания, клубы для увеселений, школы и гимназии, базарные ряды и торговые лавки. В центре станицы находилась Соборная или центральная площадь.

Вокруг каждой станицы нарезался земельный юрт с лесами и сенокосами, выгоном для скота и пахотными землями. Характерным является то, что все казачьи ста-

ницы со временем превратились в крупные поселения. (А на Кубани они такими и ставились). В каждой станице был «верх» и «низ»; как правило, жители «верха» всегда чувствовали свое превосходство над жителями «низа» (причину этого еще предстоит выяснить).

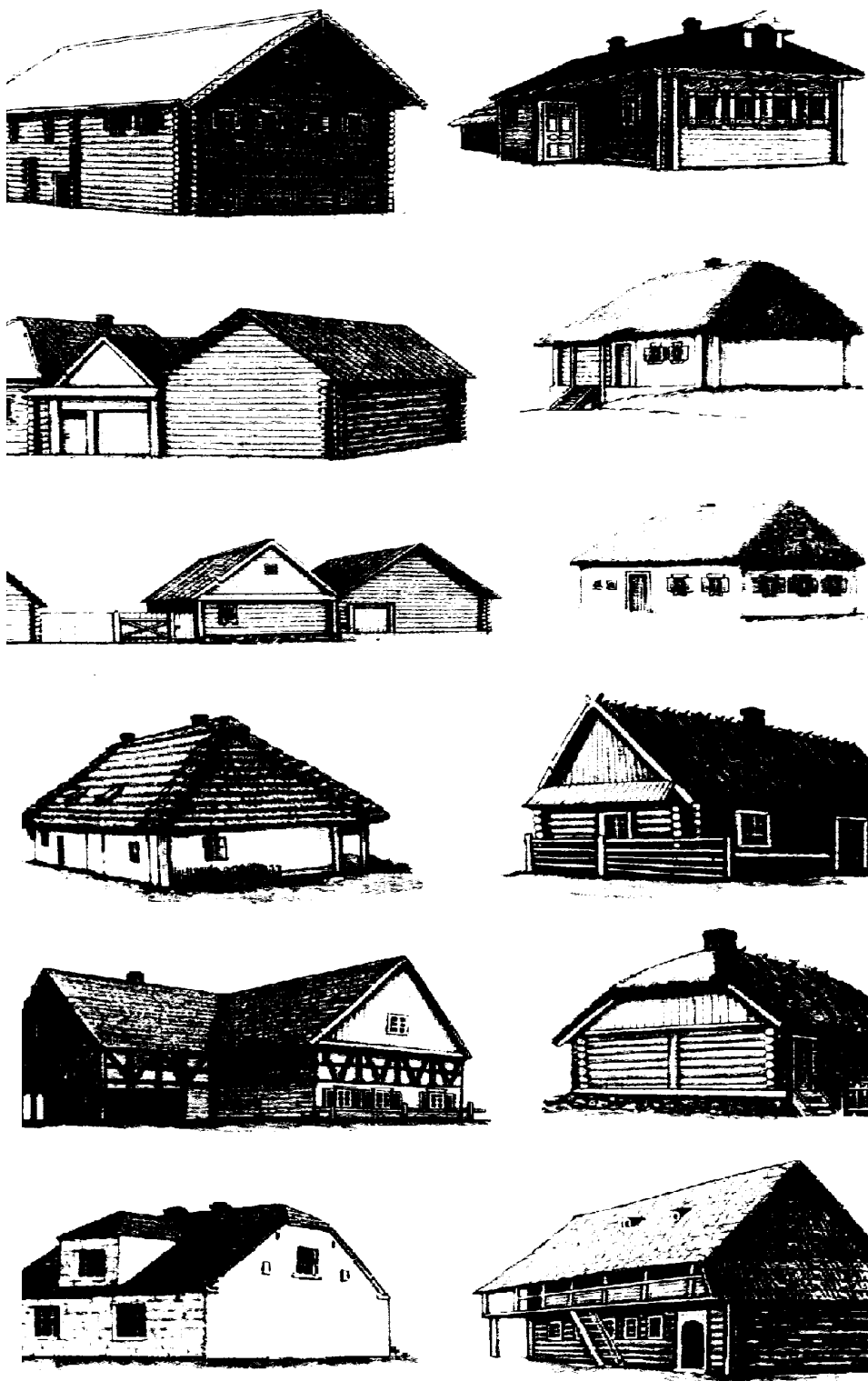
С годами менялся не только внешний облик казачьих станиц, но и их национальный состав. Так например: в 1897 году в г. Баталпашинске славянское население составляло 97,1% при общей численности 11,5 тысяч человек; в 1989 – 67,8% при 112,3 тыс. человек, что, в свою очередь, повлияло и на их внутреннее устройство.

Как свидетельствуют письменные и фольклорные источники, наиболее древним типом построек, сооружаемых верховыми казаками, были землянки и полуземлянки (балаганы). Самые ранние постройки: землянки, полуземлянки и шалаши – соответствовали походному образу жизни казаков и теплему климату. По своему типу и материалу строительства такие жилища более сходны с южнорусскими и малороссийскими формами и не напоминают ни традиционное северо-кавказское жилье, ни кочевнические юрты. Жилища казаков возводились с использованием местных строительных материалов: леса, глины, перемешанной с соломой, и камыша.

Земляные постройки хорошо соответствовали особенностям казачьего военного быта: на время длительных походов такие жилища забрасывали или разрушали. Для того, чтобы соорудить их вновь, не требовалось особого строительного материала и больших затрат времени.

В течение нескольких столетий (вплоть до начала XX века) на территории Области Войска Донского широко распространенным типом жилища был **курень**. Казачий курень – наземная срубная (реже – каменная) двухкамерная постройка. (Слово «курень» – тюркско-монгольского происхождения, то же, что и русское «стан»).

Жилище казаков

В этом отношении очень показательны устройство, сохранившееся в некоторых казачьих усадьбах в хоперских и соседних придонских станицах вплоть до нынешнего столетия – специфическая отопительная система в жилых помещениях с обогревательными дымовыми каналами под полом или под лавками под названием «подземка»²³. Печки-«подземки», «поземельки», выложенные

из сырцового кирпича (2x1x0,5м) с «лежанками» соединялась с русской печью. Сходства с русскими образцами нет. Скорее такая система аналогична кану – у монголов, чжурчженей, бохайцев, киданей. Напоминает к тому же золотоордынскую П-образную суфу.

Эта система отопления, совершенно неизвестная в других районах Европейской России, широко распро-

странена у народов Восточной и Центральной Азии. Она могла быть занесена в Восточную Европу либо прямо из Центральной Азии при монгольском нашествии, либо в золотоордынскую эпоху из подчиненных Золотой Орде среднеазиатских районов, в которых она распространилась еще в домонгольское время. Так или иначе, эта система, по археологическим данным, была широко распространена в Сарае и других золотоордынских городах²⁴.

В результате археологических раскопок в 1958–1959 гг. на Цимлянском городище (правобережье Дона) были обнаружены остатки хазарской княжеской ставки, спланированной куренем: 7 жилых построек по кругу, восьмая – в центре. Все – полуземлянки с каркасным верхом, двухкамерные, в плане – аналогичны кочевническим юртам, но углублены в землю.

Боршевские стоянки (славянское население Подонья IX–X вв.) представляют собой «углубленный в землю примерно на 1 метр сруб или облицовку, вертикально стоящие столбы для опоры крыши, плетневые стены наземной части жилищ, наличие печей-каменок или открытых очагов». В плане – квадратное. Археологи П.Н. Третьяков и П.П. Ефименко считают такие жилища звеньями одной цепи.

Тип жилища к XIX в. складывается из переплетения традиционных для казачества легких форм и заимствований у соседей (как русского так и иноэтничного населения). Некоторые казаки в качестве временного жилища строили себе хаты-землянки, углубленные в землю, с так называемыми «подслеповатыми окошками», имевшими двускатную крышу, крытую дерном, с небольшим уклоном.

«Подавляющая часть донского низового казачества уже в начале XIX века строила большие многокомнатные дома»²⁵. К этому периоду на территории казачьих войск юга России имели место развитые формы строительства жилища. Срубные жилища, характерные для многих регионов России, в этих местах распространения не получили.

В XX в. тип казачьего жилища изменяется уже под воздействием общих интегрирующих тенденций, вызванных развитием капиталистических, товарно-денежных

отношений, влиянием городского образа жизни и предписаниями войскового начальства.

У казаков были преимущественно турлучные дома, а в конце XIX века стали появляться саманные. Строили жилье казаки обычно «всем миром». При закладке жилищ у казаков существовали свои особые приметы и обычаи: на предназначенное для постройки место на ночь сыпали зерно, если на утро зерно было на месте, считалось, что место для постройки хорошее и все «пойдет в руку». Счастливым для постройки жилища считалось и то место, где на отдых располагался крупный рогатый скот. Чтобы в доме не было сырости, под матку, основную несущую перекладину в хате, подкладывали шерсть черного барашка. При закладке жилища казаки старались обязательно отслужить молебен.

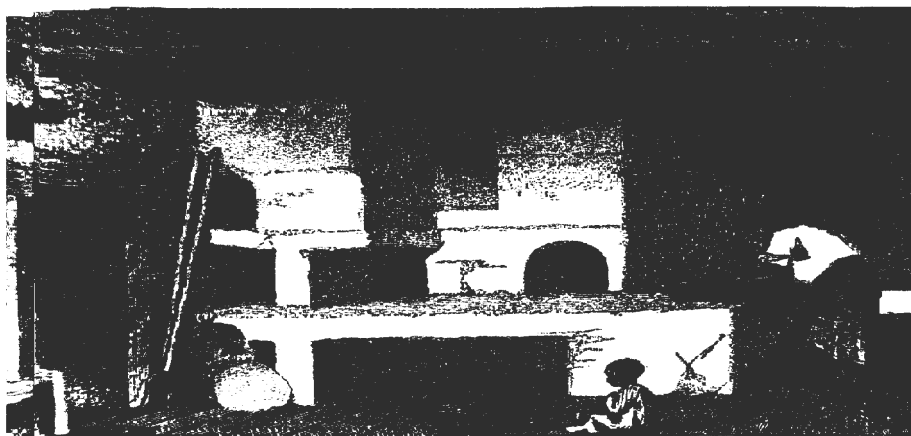
Планировка жилых помещений была, в основном, одинаковой: вход находился с южной стороны и начинался с сенец, темного неотапливаемого помещения, откуда можно было попасть в жилую, – «чистую» комнату, называемую залом, предназначенную для гостей и обычно неотапливаемую, и в кладовку. С трех сторон жилого помещения (реже с двух) находились окна, и только одна стена, обычно северная, не имела окон и называлась «глухой».

В жилой комнате у входа, с правой стороны, размещали «русскую печь» с лежанкой, где обычно спали дети. Печь занимала почти третью часть всей комнаты и являлась характерной чертой жилища всех восточных славян. Полы в комнатах были земляные, из плотно утрамбованной желтой глины и назывались «земля», в конце XIX века стали появляться первые деревянные полы. Их казаки застилали домоткаными половиками. Внутренние стены и потолок комнат белили белой глиной, позже известью, стараясь освежить комнаты накануне «больших» христианских праздников; земляные полы «мазали» желтой глиной. Снаружи жилище белили, а «глухую» стенку мазали желтой глиной. Очень часто с южной стороны хаты казаки пристраивали завалинку высотой 40–60 см.

Кроме жилых помещений, в усадьбе каждой казачьей семьи присутствовали хозяйственные постройки: сажок, сарай, погреб и курная баня в огороде.

Рис. 4.

Внутреннее убранство казачьего дома

Пища. Традиционная пища казаков с течением времени претерпевала изменения. Во многом она напоминала пищу русских и украинских крестьян, вобрала в себя элементы кавказской кухни, общие казачьи традиции. Ряд рецептов, к сожалению, утерян безвозвратно, но многие блюда и сегодня не утратили былого вкуса. Особенно рядом блюд у казаков являлось то, что часть их готовили в русской печке, другие же – на плите или в духовке.

Многие блюда готовили из пшеничной муки, из пресного и «кислого» теста. Важное место в казачьей кухне всегда отводилось мясной пище, которая отличалась большим разнообразием, готовили ее из мяса свинины, баранины и птицы, употребляя в обычные и праздничные дни (кроме постов и постных дней по средам и пятницам), на торжествах и траурах. Наиболее распространенным и сейчас у казаков является борщ, который варят на мясном бульоне. Хорошо известны в казачьих семьях зеленые борщи, которые готовятся с добавлением крапивы (ранней весной) и щавеля. Не менее распространены супы и рассольники.

Большим подспорьем к столу казачьей семьи служит рыба, ее жарят, варят, тушат, солят, коптят, используют как начинку к пирогам, из нее готовят уху и др. блюда.

Из овощей наиболее употребляемые капуста, помидоры, морковь, лук и чеснок, редька и репа, тыква, горох, редис.

Домашние и дикорастущие фрукты казачки используют для приготовления узваров, киселей, компотов, варенья, коржей (пастилы).

У казаков есть и свои ритуальные блюда, наличие которых считается обязательным на свадебных торжествах, крестинах, поминках. К ним относятся кутья, лапша, борщ, картофель с мясом, пироги со сладкой начинкой и кисель.

Внешний вид и одежда казака. В прошлом казаки носили три широко известные прически. Казаки–черкасы оставляли хохол по всей гладко выбритой голове (похожая на эту современная прическа называется «ирокез»), он дал основание для насмешливого прозвища украинцев. Такую прическу носили казаки, прошедшие инициацию, т.е. обряд посвящения мальчика в мужчины. Любопытно, что у соседей казаков – персов – само слово «казак» означает «хохол».

Вторая прическа – оселедец, которую носили только воины. Оставление одной пряди волос на выбритой голове – обряд, восходящий к древнейшим временам. Так, у норманнов «оселедец» означал посвящение одноглазому богу Одину. Его носили воины – слуги Одина и сам бог.

Дружинники-язычники, воины князя Святослава Киевского, тоже носили оселедцы. Впоследствии оселедец стал символом принадлежности к воинскому ордену запорожцев. Оба типа причесок были популярны и у севрюков.

Казаки Среднего Дона, Терек и Яика стриглись в «скобку», когда волосы подстригались в кружок – одинаково спереди и сзади. Эта прическа называлась еще «под горшок», «под арбузную корку» и т.д.

Срезанные волосы в правилах всех древнейших магий имеют огромную силу, поэтому их тщательно прятали: закапывали в землю, опасаясь, что волосы попадут к

врагу и тот совершит над ними заклинания, причиняющие порчу.

Гораздо большей, чем жиле спецификой отличается казачья одежда. В силу исторических условий и особенностей казачьего уклада жизни одежда казаков сочетала в себе различные элементы костюма. Определенное влияние на костюм казаков со временем оказало непосредственное общение с соседними народами, хотя, по словам известного дореволюционного историка И.С. Кравцова, значительных изменений в костюме не произошло. Вот что пишет он по данному поводу: «Как во время своего возникновения, так и по переселению на Кавказ... хоперские казаки носили, как и донцы, короткий казакин, застегнутый на крючки. Шапки имели высокие из черных барашковых курпеев, верхи были красные...»²⁶.

Одежда казаков разделялась на домашнюю (рабочую) и праздничную. Для рабочей одежды применяли дмотканые льняные и полотняные ткани, такая одежда была очень прочной. Для мужской и женской одежды характерны рубахи (у запорожцев сорочки) туникообразной формы с прямым разрезом спереди, длина их колебалась в зависимости от назначения, домашняя рубаха мужчин доходила почти до колен. В летнее время на службе, а порой и дома казаки носили укороченные рубахи, предварительно заправив (а не просто подпоясав) их в широкие шаровары (более широкие и свободные, чем среднерусские порты), обязательно подпоясывая поясом. Пояса вначале изготовлялись из тканей, плелись из сыромятной кожи и ниток домашнего производства, более состоятельные казаки украшали пояса набором бляшек или пластинок, изготавливаемых из серебра. (Отсутствие пояса у мужчин считалось позором). Для праздничной одежды применялись дорогие привозные ткани из тонкого сукна с золочеными и серебряными нитями.

Из таких тканей еще в XVI-XVII вв. зажиточные запорожцы и донцы шили себе верхнюю одежду и украшали ее мехами, изделиями из золота, серебра. Красный цвет – кумач – был любимым у запорожцев. Сорочки, названные впоследствии бешметами, по словам И.Д. Попко, имели преимущественно кумачовый цвет, такого цвета были и верхи папах.

Все это, а также головной убор в виде колпака и мягкая обувь (ичиги, сапоги) сильно отличается от общерусских традиций в одежде и либо было заимствовано у соседей-кочевников, либо представляет собой своеобразную паллиацию²⁷ одежды древних скифов или черных клобуков.

Неотъемлемой частью праздничного костюма был казакин, который представлял собой «род укороченного кафтана, с мелкими сборками у талии сзади и невысоким стоячим воротником...»²⁸. Казакин с небольшими изменениями был принадлежностью и мужской, и женской одежды. Дети старше 16 лет носили полный казачий костюм.

Обувь казаков столетиями претерпевала изменения, начиналась она с лаптей, чуруш, чувяков, на смену которым пришли изящные хромовые сапоги, непременно со скрипом. Дополнением к мужскому костюму служили сабля, позже – кинжал. Характерной чертой мужского казачьего костюма являлись лампасы, указывающие на принадлежность казачьему сословию, символизирующие свободу и независимость. Цвет лампаса указывал на при-

надлежность к войску (Кубанское – красный, Терское – синий, Уссурийское – желтый...). «Со времени своего образования и до XIX столетия казаки не имели определенного однообразного обмундирования и вооружения. В старину хоперцы носили кафтаны, зипуны, широкие шаровары, шелковые кушаки, сафьяновые сапоги, бараньи, лисьи и собольи шапки»²⁹.

Что касается верхней одежды, то здесь явно видно сильное влияние других народов или прямое заимствование готовых и наиболее подходящих к местным условиям форм. В традиционный костюм терских, кубанских и донских казаков вошли бурка, башлык, черкеска, бешмет, взятые почти без изменений у народов Кавказа. «Название «черкеска» было дано этой одежде русскими, которые впервые увидели ее на черкесах»³⁰. Уральские казаки носили халат, чекмень и малахай, покрой которых аналогичен татарскому, башкирскому или ногайскому.

Кроме того, важно отметить, что «всякие изменения в военных мундирах осуществлялись лишь с санкции императоров...»³¹. Видимо, поэтому «в практику русского языка слово черкеска вошло поздно. Оно отсутствует у А.С. Пушкина, у М.Ю. Лермонтова черкеска упоминается только один раз в стихотворении «Валерик». Оба поэта употребляли для этой одежды тюркское слово чекмень... Слово черкеска отсутствует в словаре В. Даля, хотя в основном он отражает состав живого русского языка середины XIX в. Слово чекмень получило широкое распространение в значении «кафтан» у казаков...»³². Слово «черкеска» более прочно вошло в обиход после Указа Военного Министерства от 27 ноября 1861 года, когда «впервые было повелено кавказские казачьи мундиры называть черкесками»³³.

В силу указанных причин нельзя однозначно утверждать, что, например, кубанские и терские казаки полностью заимствовали костюм у горцев. Вот что писал по этому поводу известный историк, знаток казачьей стари-

ны Иван Диомидович Попко: «Одежда кабардинцев была, если угодно, русская: зипун русский с открытой грудной и подпояской и рубаха, называемая бешметом, сверх шароваров с галунной обшивкой. Деревянные, обделанные в кость или серебро патронники (хазыри), которые мы застали уже прикрепленными на грудь зипуна, носились прежде на поясе...»³⁴. «Собственно говоря, газыри составляют особое отличие черкески от сходных по покрою кафтанов, свиток и т.п.»³⁵.

В XIX в. широкое распространение в качестве повседневной одежды получили элементы военной формы: китель, гимнастерка, папаха и др. В особом отношении казаков к военной форме проявляются, на взгляд многих исследователей, этносимволизирующие функции одежды. Форма и фуражка хранились как семейные реликвии.

Существенно отличалась от общерусской и женская одежда. Для женского костюма характерным было наличие той же рубахи (позже названной кофтой), поверх которой надевалась юбка из двух полотнищ длиной до щиколоток. Поверх этого надевалось распашное платье, напоминающее собой халат. Долгое время такое платье называли казакином, шили его из самых различных тканей. На голове казачек пестрели цветастые шелковые шали, замужние женщины заплетали волосы в две косы и укладывали их вокруг головы, дополнением к женской причёске служил гребешок. Девушки заплетали волосы в косу и украшали шелковой лентой. Казачки очень любили всевозможные украшения: бусы, золотые и серебряные кольца и серьги.

Ношение юбки с кофтой вместо туникообразной рубахи, более приталенный силуэт, повсеместное широкое использование покупных тканей вместо домотканых уже с XIX в., иной характер вышивки и головных уборов – вот далеко не полный перечень особенностей женской казачьей одежды.

Рис. 5

Запорожец

Рис. 6

Турецкий запорожец

Донской казак

Рис. 7.

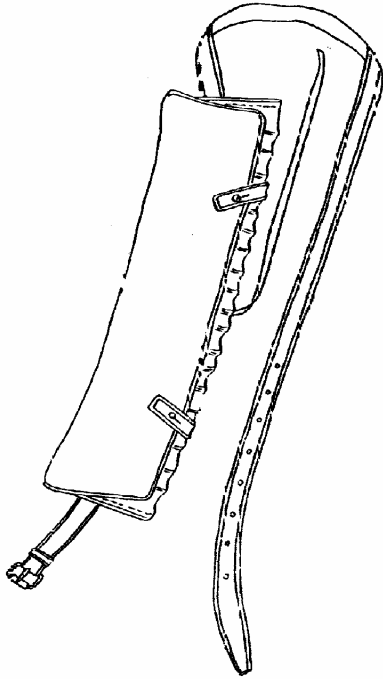
Черноморец

Рис. 8.

Казачья патронная сумка

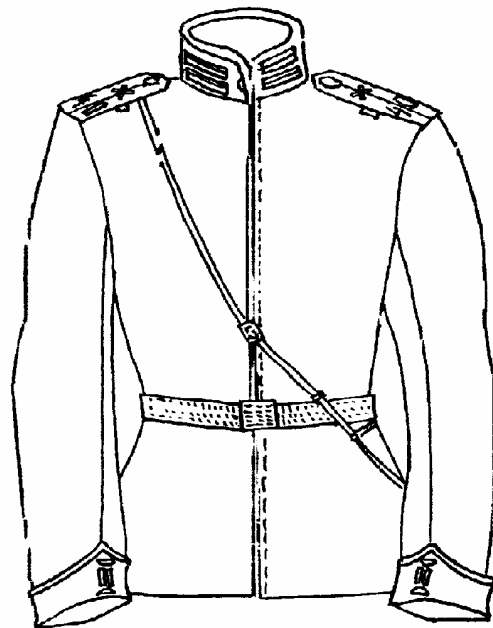
Рис. 9

Казачья патронная сумка (1914 г.).

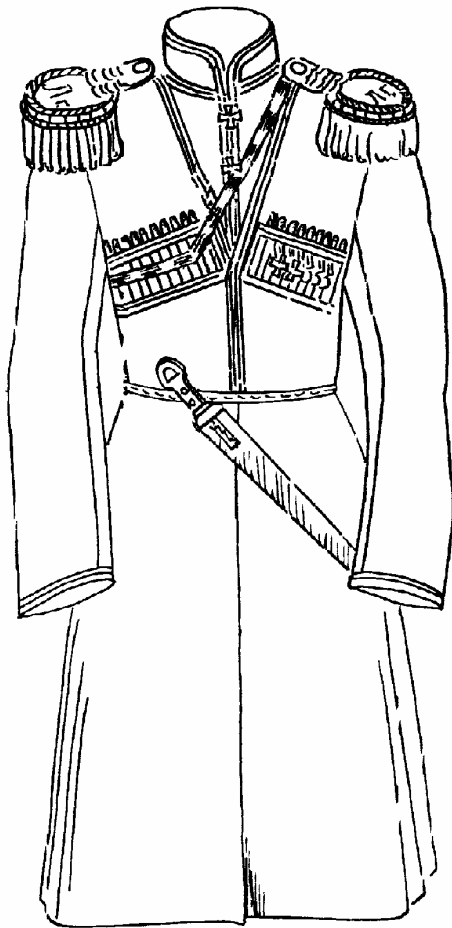
Казачий мундир

Рис. 10

Черкеска

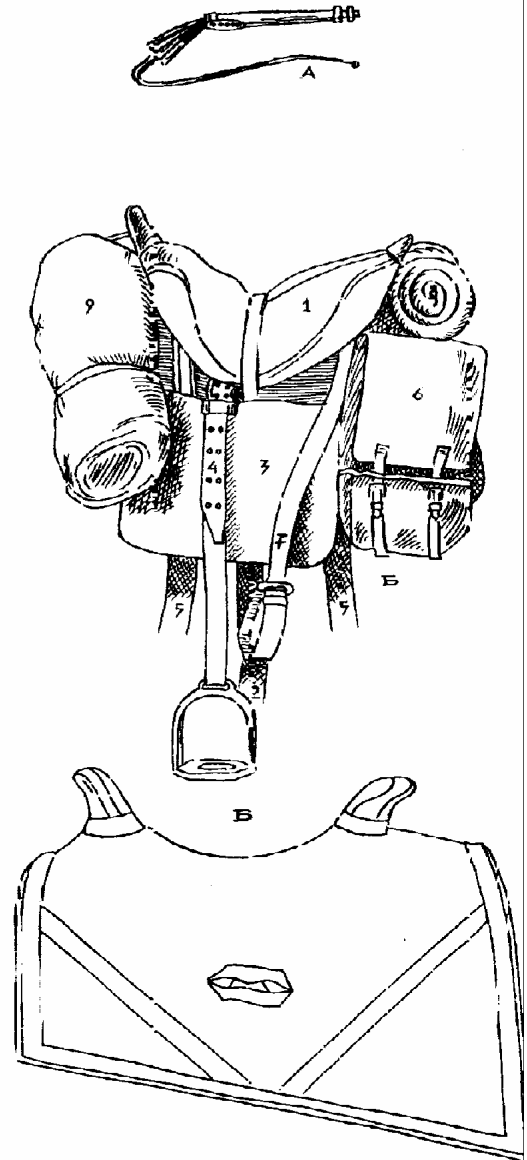
Рис. 11

Черкеска (1914 г.).

Казачье конское снаряжение

Рис. 12

Казачье конское снаряжение для нижних чинов (образца 1911 г.):

а) нагайка;

б) 1 — под-шка, 2 — седельный трог,

3 — тебенец, 4 — пухляк со стремяем,

5 — подпруч. 6 — переметные сумь,

7 — тренога, 8 — покла, 9 — шинель;

а) чепрак.

Казаки лейб-гвардейцы (кон. XVIII в.)

Кубанские казаки (сер. XIX в.)

Кубанские казаки (нач. XX в.)

Парадная форма донских, терских и кубанских казаков

Казаки.

Казаки (слева направо): оренбургский, кубанский, терекский, уссурийский, уральский, семиреченский, сибирский

Оружие казаков. Необходимым элементом материальной культуры казаков является оружие. Разумеется, речь идет только о холодном, оружии, т.к. огнестрельное обычно унифицировано. Оружие казаков отличается скорее своеобразием, чем оригинальностью. То есть тот или иной род оружия: пики, сабли, шашки, кинжалы – используемые казаками, были присущи не только им. Свое-

образие же заключается в том, что казаки легко заимствовали у своих соседей-врагов те виды вооружения, которые более пригодны в данных условиях.

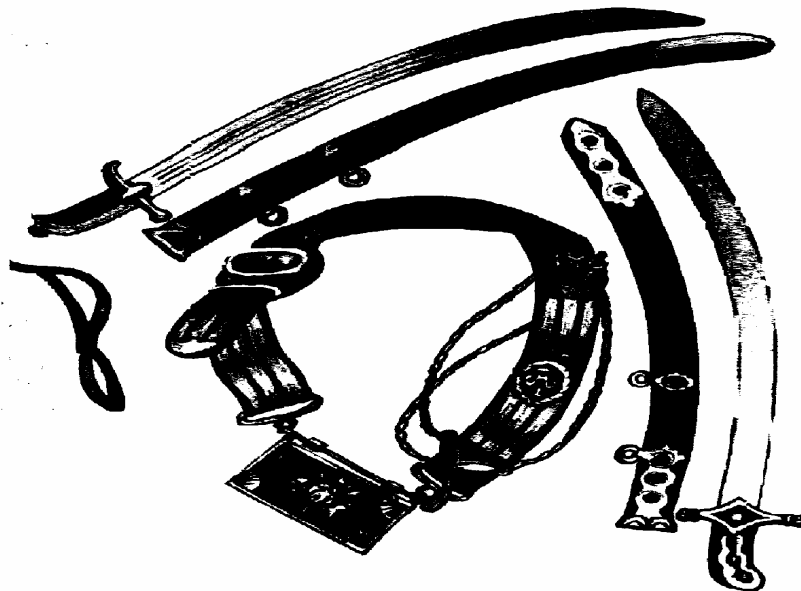
Донские кавалерийские части долго применяли пики. Кубанцы и терцы использовали шашку так называемого кавказского образца, более короткую и изогнутую по сравнению с другими. Такой шашкой удобней рубить

в тесноте горных ущелий. Они же переняли у горцев кинжалы. Общей особенностью всех казачьих шашек было отсутствие медной дужки – гарды, защищающей кисть руки.

Что касается применения военных приемов, то, пожалуй, только донскую военную традицию можно назвать специфической. Донцы (и кубанские линейцы) атаковали в сомкнутом строю конной фаланги (т.н. «лава») на быстром аллюре, прием известный, но все же редко

встречаемый. Казаки других войск придерживались иных воинских традиций, частью перенятых у местного населения, частью воспринятых из общерусской боевой подготовки.

Выделение военной специфики из всего строя повседневной жизни, сакральное, чуть ли не тотемное отношение к оружию и военной форме – вот что бросается в глаза даже при первом взгляде на эту сторону казачьей жизни.

Казачий фольклор. Обряды и праздники играли важную коммуникативную и воспитательную роль в традиционно-бытовой культуре казаков. Жизненный цикл каждой семьи сопровождался семейными праздниками и обрядами. Они не рассматривались, как внутрисемейное событие, ибо замкнутость индивидуальной семьи в общине была кажущейся. Семейные праздники и обряды закрепляли связь отдельных семей с общинным бытом, они показывали, как каждый выполняет свои обязанности перед «обществом», и делали «общество» непосредственным участником личной жизни его членов.

Песенно-музыкальная традиция казаков складывалась на основе смещения разных начал. Казачьи песни обычно пелись без музыкального сопровождения, хотя музыкальные инструменты у них были хорошо известны. Наиболее популярны были гармошка (иногда с колокольчиками), дудочка, пищики, бубен и трещотки. В случае необходимости в музыкальные превращались и предметы, далекие от искусства – ложки, гребенки, лучина и другие обиходные вещи.

Своеобразие бытового уклада казачества обусловило характер устно-поэтического творчества. Самым распространенным фольклорным жанром у казаков является песня. В песенном фольклоре преобладали трудовые песни, коротенькие припевки шуточного или сатирического характера, исполнявшиеся во время полевых работ. Они отвлекали от тяжелой монотонной работы, и их мелодия обладала своеобразным ритмом. Существовала у казаков

и масса обрядовых песен: игровые, плясовые и хороводные.

Традиции хорового пения имеют глубокие корни. Широкому бытованию песни способствовала совместная жизнь в походах и на сборах, выполнение сельскохозяйственных работ всем «миром». Песенный репертуар составляют, в основном, историко-героические песни, связанные с конкретными событиями, а также те, которые отражают военный быт.

Современные казаки (речь идет и о профессиональных коллективах и о сельской самодеятельности) используют в качестве своих как русские так и украинские песни. Причем, в разных регионах – разные песни. Однако некоторые из песен являются только казачьими, не находя аналогий с народным творчеством украинцев и южных русских. Интересны исследования преподавателя Ростовского музыкально-педагогического института Т.С. Рудиченко. Она определила, что мужские обрядовые песни очень созвучны центрально-русской, «московской» песенной традиции, а женские обрядовые песни – просто двойники песен Волыни, Полесья, Украины и Польши.

Из других жанров фольклора значительное распространение получили исторические предания, топонимические рассказы. Характерной чертой казачьего фольклора, отличающей его от русского, часто называется отсутствие такого жанра как «богатырский эпос» или былины. Но «богатырские былины» отсутствуют в фольклоре и украинцев и южных русских, живущих сейчас как раз на той территории, где этот жанр устного творчества скла-

дывался. Былины сохранились лишь в народном творчестве населения, живущего к северу от валдайского водораздела. Причины данного явления связаны, скорее всего, с миграцией населения в период монголо-татарского нашествия и ордынского ига. В любом случае, указанная черта казачьего фольклора скорее объединяет казаков с их славяноязычными соседями, чем наоборот. Близкими оказываются и многие другие формы народной культуры.

Отмечаются исследователями и наличие общих элементов обрядов и обычаев некоторых групп казаков (терцы, гребенцы, уральцы) и ногайцев, например: наряд невесты, ее введение и посажение на войлок, оформление и поведение свадебного поезда, свадебные подарки, обычаи избегания, отношение к бездетным женщинам, ношение амулетов от болезней и др. Ряд сходных черт прослеживается и в мифологии: представления о земле, вихре, кометах, затмении. Для ногайцев и казаков указанных групп была характерна общая вера в албасты/лабасты. Этот древний тюркский образ покровительницы плодородия диких животных и охоты, переместился затем в разряд злых духов. Военно-бытовые песни терских казаков, по мнению Л.С. Киреевой, близки по тематике мотивам, образам тюркским «кызак йырлар».

Отмеченные эти и другие сходные элементы духовной культуры являлись не только порождением многовековых контактов народов, бытованием у них обычаев гостеприимства, куначества, аталычества, но и этническими связями. По-видимому, наиболее интенсивными они были до окончательного утверждения в степи ислама. В этой связи примечательны легенды о происхождении отдельных казачьих фамилий от золотоордынских родов.

Интересно, что на крестинах мальчика «посвящают в казаки»: надевают на него саблю и сажают на коня. Гости приносят в дар новорожденному («на зубок») оружие, патроны, стрелы и развешивают их на стене. Аналогии подобному обычаю прослеживаются у степных кочевников, пуштунов и др. народов, прежде всего кавказских горцев, но не у оседлых европейцев, в т.ч. русских и украинцев.

Специфично для казаков то, что почти все праздники (в том числе религиозные и престольные) сопровождались военными играми и соревнованиями: рубка лозы, стрельба, джигитовка, или инсценировки военных батальев, любое народное гулянье «венчали» борцовские схватки. Почти забыты в казачьих станицах (так же как и в русских деревнях) кулачные бои, которые сродни рукопашному бою, когда выходили казаки соседних улиц, верховые и низовые, или же соседних станиц «стенка на стенку». Первыми начинали кулачные бои ребяташки 5-6 лет, разделившись на две команды, за ними выходили подростки, потом казаки приговорительного разряда, далее неженатые парубки, вслед за ними женатые казаки. Не могли устоять от соблазна и те, чьи виски серебрила седина. Довольно часто в кулачных боях принимали участие внуки, отцы и деды. Порой число участников доходило до трехсот человек. Бывало, бои продолжались несколько дней. Перед началом кулачного боя «враги» трижды обнимались и целовались между собой, показывая, что делить им, кроме чести, нечего, что «никакой личной вражды между ними нет». Перед началом противники договаривались об условиях: обиды друг на друга не держать, если кому-то придется потерять зуб или «принести

домой фонарь под глазом», не бить лежачего и т.д. Смысл кулачных боев сводился к тому, чтобы «на миру» показать свою силу и ловкость. Видимо, в связи с этим у русских (в том числе и казаков) бытовала поговорка: «На миру и смерть красна».

Вопросы религии. Религиозная классификация указывает на один из механизмов объединения людей в этносы и, соответственно, возникновения границ между различными народами. Во-вторых, межрелигиозные различия могут указывать на межцивилизационные различия. При этом не столь важно, какова доля верующих среди того или иного народа. Этические нормы, концентрирующиеся в религии и определяющие особенности данной цивилизации, воздействуют на культуру народа (как традиционную так и профессиональную) и через нее передаются последующим поколениям.

О духовной культуре русских предков казаков мы в основном можем судить по данным религии. Что касается религии, то у донских казаков, как и у других групп казаков, православное христианство имело свою весьма непростую историю.

В XIV в., судя по документам, мы еще видим подчинение червленоярцев и других протоказачьих общин православным епископам и митрополитам без каких-либо признаков уклонения от официального византийского православия. Возможно, что такое положение сохранялось до конца существования Сарайской епархии. Но донские казаки все в целом, с самых первых сообщений о них в XVI в., появились на сцене как сектанты, считавшие себя православными христианами, но фактически не признававшие московскую православную церковь. Не только после раскола, когда в конце XVII в. большая часть донских казаков примкнула к старообрядцам, но и до раскола у них не было ни контролируемого Москвой духовенства, ни храмов, освященных и официально признанных московским церковным начальством, ни церковного брака, который казаки принципиально отвергали, – все это распространилось лишь в XVIII в., в основном, насколько можно понять, принудительно после подавления Булавинского восстания. Вместе с тем имеется много сведений о сохранении у донских казаков до XVIII в. некоторых обрядов, сильно смахивающих на языческие, и специфических ритуалов гражданского брака и развода.

Е.П. Савельев, автор выразительной, хотя, вероятно, еще далеко не полной сводки по данному вопросу, объясняет все эти явления пережитками восточнославянского язычества, занесенными в конце XV в. беженцами из Новгорода³⁷. Но думаем, что главное не в этом. Более вероятно, что не столько некоторые группы донских казаков в период с XIV до конца XVI вв. почему-то уклонились от православия в язычество, сколько изменилось отношение московской церкви к казачьему православию.

Специфика казачества накладывала существенный отпечаток на его своеобразную религиозность. Она не была ни пламенной, ни убежденной. Это была религиозность, не требующая внешних форм – обязательных и строго соблюдаемых ритуалов культовой обрядности. Иначе говоря, она не нуждалась в опоре на постоянную персеверацию (настойчивое повторение) религиозной идеи, в опоре на воспроизводство культовой знаковой системы.

Внутри казачьей среды сталкивались и взаимодействовали все мировые религии. Во многом поэтому казачья религиозность проявлялась, как уже было сказано, не во внешних церковных ритуалах, а носила характер ощущения внутренней связи человека с Богом, неритуализированной и нерегламентируемой, которая могла существовать только в условиях устойчивой, традиционной веротерпимости, когда религиозная предвзятость могла вызывать распад единства казачьей общины. Примечательно, что первое единое здание русской православной церкви было сооружено в казачьих землях лишь в середине XVII в., а точнее в 1652 году – собор Воскресения Христова.

Приведенные рассуждения объясняют и такой факт, который был вскрыт по время инспекции донских церквей столетие спустя после сооружения первого храма – в 1764 году, когда оказалось, что в большинстве из них служба не велась по обрядовым нормам, отсутствовали необходимые церковные реквизиты, не хватало подготовленных кадров, культовое имущество находилось в ветхом состоянии, нарушались элементарные правила гигиены, а сами священнослужители не отличались высокими нравом, устранивая свои «делишки» и укрепляя дружбу с «зеленым змием».

В Черкасском и Медведицком заказах из 84 храмов только в 2 не отмечалось никаких недостатков. Эта часть Воронежской епархии охватывала основные территории Области Войска Донского. В Хоперском заказе из 42 храмов не имели замечаний только 17, что объясняется близостью заказа к центру епархии. Примечательно, одним из самых распространенных недостатков названо изображение двоеперстия на церковных иконах. Материалы инспекции дают обстоятельную картину трехстепенного положения Русской православной Церкви на Дону.

То, на что центр обращал внимание как на необходимое условие этнического единства, в донских землях, на транспериферии российского государства отнюдь не воспринималось как обязательное. Скорее даже наоборот, единство социальной общности поддерживалось традиционной веротерпимостью и «Богом в душе». Лишь с начала XIX в. усиливается влияние «казенного православия», в связи с жесткой регламентацией жизни казачества как военно-служилого сословия. Тем самым, исключительная православность казачества – это миф, созданный в XIX веке. Миф выгодный, прежде всего, политическому режиму.

О культуре татарской части населения протоказачьих общин мы знаем еще меньше, чем о культуре русских. Можно лишь догадываться, что если русские испытывали многообразные воздействия золотоордынской культуры, то и татары, жившие по соседству и в условиях единой системы хозяйства с русскими, тоже не оставались невосприимчивыми к их культурным влияниям. Можно также предполагать, что православное христианство у крещеной части битюгских татар в сочетании с сохранением полукочевого быта и при соседстве мусульман и даже, пусть в течение недолгого времени, буддистов должно было иметь довольно экзотическую форму.

Может быть, неплохим портретом православного татарина-протоказака могло бы служить изображение пе-

шего воина с монголоидными чертами лица в доспехе и с копьем в качестве Георгия Победоносца на медной иконе XIV в., найденной близ Астрахани³⁸.

Заметим, что еще неизвестно происхождение этого татарского православия. Оно могло быть не только результатом миссионерской деятельности Сарайской епархии, но и наследием центрально-азиатского несторианского христианства, которое имело значительное распространение в Золотой Орде до официального введения ханом Узбеком ислама в качестве государственной религии в 1312 году. Поэтому заслуживает специального изучения вопрос о том, не были ли отклонения от ортодоксального православия у донских казаков результатом не только влияний язычества, русского или мордовского, но и влияний несторианства, а также православия, преломленного через сознание татар-христиан.

Примечания:

1. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С. 256, 237.
2. См.: Тайлор Э. Первобытная культура. М., 1989. С. 18.
3. Cohen Y.F. Culture as Adaptation // Cohen Y. (ed.) Man in Adaptation: The Cultural Present. Chicago, 1968. P. 553.
4. Чебоксаровы. Указ. соч. С. 172.
5. Там же. С. 173.
6. Например: «Казак без коня – нонсенс» / И. Яковенко. Указ. соч. С. 72.
7. Берлизов А.Е. О некоторых коневодческих, кавалерийских и конноспортивных традициях кубанского казачества // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Сб. науч. трудов. Краснодар: КГУ, 1984.
8. Котельников Е. Историческое сведение Войска Донского о Верхней Курмоярской станице, 1818 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 3. С. 5.
9. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М., 1857. С. 108-110.
10. См.: Болтин И. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1-2. С. 340; Броневский В. История Донского Войска. СПб., 1834. Ч. 3. С. 17, 134, 166; Калмыков М. Донская старина: Черкасск и Войско Донское в 1802 г., по описанию де-Романо. Новочеркасск, 1896. С. 21, 25; Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822- 32 годах. Новочеркасск, 1891. С. 3; Ходеев С. М. Статистическо-хозяйственный очерк Земли Войска Донского. СПб., 1853. С. 29-30, 51-68.
11. См.: Исторические и статистические сведения о Кумылженской станице // Донские войсковые ведомости. 1865. №37 – 38. С. 266 – 268; Котельников Е. Историческое сведение Войска Донского о Верхней Курмоярской станице, 1818 г. // ЧОИДР. 1863. Кн. 3. С. 21-31; Краснов Н. Земля Войска Донского. СПб., 1863. С. 480; Номикосов С. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 301; Шенников А. А. Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества» // Этнография народов СССР. Л., 1971. С. 86-88; Щелкунов З. Об устройстве казачьих поселений и об юртовых при них довольствиях // СОВДСК. Новочеркасск, 1907. Вып. 7. С.60-61.
12. Reise duch den sudlichen Theil von Rusland. Duisburg, 1798. P. 82.
13. Чебоксаровы. Указ. соч.
14. Гордеев. Указ. соч. Часть 1. С. 38-41.
15. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910. С. 437.
16. Ригельман. Указ. соч.
17. Щербина. Указ. соч. С. 437.
18. Там же.

-
19. Чебоксаровы. Указ. соч. С. 67.
  20. Большая Советская Энциклопедия. М., 1989. Т.24. С. 1217.
  21. Этнография восточных славян. М. 1989. С. 207.
  22. Государственный архив Краснодарского Края. Ф. 2526. О. 2. Д. 1. Л. 49.
  23. *Лаццилин Б. С.* Курень // Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1977. Вып. 4. С. 91; *Новак Л.А., Фрадкина Н.Г.* Казачий курень. Ростов-на-Дону, 1973; *Шолохов М. А.* Тихий Дон. Л., 1945. С. 426, 702.
  24. *Егоров В.Л.* Жилища Нового Сарая: (По материалам исследований 1959 – 1965 гг.) // Поволжье в средние века. М., 1970. С. 173-179; *Егоров В.Л.* Золотоордынский город: (Причины возникновения, историческая география, домостроительство). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 14; *Егоров В.Л., Полубояринова М.Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967 – 1971 гг. // Города Поволжья в средние века. М., 1974. С. 42-55, 58-66; *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 73-79; *Ерзакович Л.Б.* Некоторые типы жилищ Золотой Орды // Археол. исслед. в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 167-182.
  25. Этнография восточных славян. М., 1987. С. 237.
  26. Кравцов И.С. Старейшие в Кубанском казачьем войске «Хоперские казаки». б/в.д. С. 63.
  27. ПАЛЛИАЦИЯ-компромиссная форма, возникшая в результате смешения новации и традиции.
  28. БСЭ. Т. II. С. 390. М., 1973.
  29. Толстов В.Г. История Хоперского казачьего полка 1696-1896 г. в частях. Тифлис, 1900-1901. С. 11.
  30. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XIX вв. М.: Наука. 1989. С. 91.
  31. Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена. Л.: Наука, 1991. С. 93.
  32. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XIX вв. М.: Наука, 1989. С. 221-222.
  33. Казачьи войска: Справочная книжка Императорской Главной квартиры / Под ред. Шенк В.К. СПб., 1912. С. 9.
  34. Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен.
  35. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1989. С. 27.
  36. Савельев Е.П. Средняя история казачества. Новочеркасск, 1915-1916. Ч. 2. Вып. 5-6. С. 267-291.
  37. См.: Полубояринова М.Д. Иконка из Астрахани // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 398-401; Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 122-125.
  38. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 401.